

"Должно быть, это действительно потрясающая комната." – задумчиво произнёс основатель.
"Мне бы и самому хотелось на неё посмотреть, но я сомневаюсь, что это так же будет работать для живого портрета, вроде меня. Ровена и Годрик всегда умудрялись придумать самые причудливые и впечатляющие вещи, – конечно, большинство из них заканчивались взрывом на лице Годрика, – но те, которые воплощались в жизнь, были поистине удивительными. Даже я признаю, что это были самые лучшие вещи, которые мы когда-либо создавали, – за исключением Хогвартса, конечно. Школа и святилища – это магия другого рода."

"Я видел только сортировочную шляпу и комнаты." – признался Гарри.

"Было ещё несколько вещей, – например, диадема, о которой ты, возможно, слышал. Этот артефакт был любимым у Ровены, и она в значительной степени утверждала, что диадема принадлежит ей, хотя Годрик и никогда не жаловался. Он был довольно самоотверженным."

"Интересно, есть ли какой-нибудь из артефактов в Выручай-Комнате..." – задумчиво произнёс Гарри.

"К сожалению, диадема была потеряна. Дочь Ровены украла её и потеряла перед смертью. А об остальных я ничего не знаю," – глаза Салазара потемнели, очевидно, что эта история не была одной из его любимых. "И чем ты занимаешься в их комнате?" – спросил он, меняя тему.

"В основном практикуюсь в очищении сознания, но также немного в других заклинаниях и дуэлях. Последнее довольно сложно реализовать, не имея реального противника.

"Не трать время зря." – предупредил Салазар. "У тебя есть доступ к двум, пожалуй, самым секретным и полезным комнатам во всём Хогвартсе, – если только Хельга не приготовила что-то ещё, о чём я не знаю." – мягко закончил он.

"А что делала Хельга?"

"Она пыталась соединить зачарование с гербологией, растения были её хобби. Хельга была очень заботливой и любила ухаживать за растениями, существами, ну и, конечно же, людьми. Она ответственна за этот нелепо названный вид волшебного дерева."

"Волшебное дерево?" – спросил Гарри, чувствуя запах ещё одной менее известной истории про основателей.

"Она взяла невинную, изящную иву и превратила её в нечто гораздо менее привлекательное и восхитительное. Она хотела посадить целый лес из таких деревьев, чтобы защитить школу, но мы вмешались, прежде чем её старания вызвали хаос и катастрофу. Я думаю, что вид, вероятно, всё ещё существует — она вырастила и продала довольно много, прежде чем люди поняли, насколько большими те вырастут, и быстро пожалели об этом, когда посадили их рядом со своими домами, или где-нибудь ещё похуже. Ужасные растения."

"Основатели совсем не такие, как я себе представлял." – усмехнулся Гарри.

"Конечно же, мы не будем идеальными. Мы основали школу, только и всего. Я уверен, что все директора, руководившие этой школой, говорили о том, насколько мы были безупречны и хорошо себя вели. Но правда в том, что даже в свои шестьдесят лет Годрик был ещё большим ребёнком, чем кто-либо ещё когда-либо ходивший по этим коридорам после него." – глаза Салазара слегка затуманились, когда основатель предался воспоминаниям, но Гарри не возражал. Ностальгия едва ли была пороком тысячелетнего портрета, который был одинок с момента своего создания.

"Темпус" – пробормотал Гарри, доставая палочку и постукивая ею по запястью. Было гораздо позднее время, чем он предполагал. По-видимому, оттачивание трансгрессии заняло слишком много времени.

"Тебе пора уходить." – заключил Салазар по его жесту.

"Да. Я вернусь завтра."

"Ты не уйдешь, пока не повесишь меня над дверью кабинета!" – нахмурился портрет основателя. "Я отказываюсь больше оставаться наедине с этой змеей, и не имеет значения, мёртвая она или нет."

"Хорошо." – тяжело вздохнул Гарри, ничуть не удивившись. Салазар всегда настаивал на этом.

Он поднял полотняное изображение своего предка и понёс его обратно через мост. Это было гораздо проще, чем раньше. Ритуал определённо возымел некоторый эффект – его мускулатура и выносливость значительно улучшились.

"Ты знаешь что-нибудь, что можно использовать для транспортировки яда твоей бывшей змеи?" – спросил Гарри.

"Что угодно инертное." – ответил основатель. – "Яд растворяет только органическую ткань или материю. В одной из ниш или на полках напротив лестницы должны быть хрустальные флаконы."

Там они и были. На самом деле их было довольно много. Гарри схватил пригоршню и направился к труппе Василиска, чтобы снова 'вступить в схватку' с Королём Змей. Он мог бы заодно покончить с этим, раз всё равно ещё не ушёл.

'По крайней мере, на этот раз он будет меньше сопротивляться.'

Он очень мало знал об извлечении яда из любой змеи, не говоря уже о двадцати с лишком метровой громадине, созданной при помощи магии. Не помогало и то, что токсин окажется

смертельным даже в самом малом количестве.

Опустившись на колени перед пастью Василиска, Гарри осторожно распахнул её.

'В то время он мог проглотить меня одним укусом...'

Если бы у Василиска хватило безрассудства попробовать сделать это ещё раз, он обнаружил бы, что Гарри подрос и стал более сложной задачей, чтобы проглотить её целиком.

С особой осторожностью он протянул руку сквозь зубы, направляя её к вздутым мешочкам на задней стороне. Вещество должно было браться непосредственно из самих желез.

'Это та часть, когда я разрезаю железу слишком глубоко и оставляю одну из своих рук на разязденье...'

Используя свою палочку, Гарри аккуратно вырезал очень маленькое отверстие в железе над протянутым флаконом и стал терпеливо наблюдать за тем, как яд постепенно стекает в сосуд.

На то, чтобы наполнить все четыре флакона, ушло десять долгих, неудобных минут...

Яд продолжал сочиться, даже когда Гарри уже отстранился. Он решил, что у него уже есть столько, сколько ему когда-либо понадобится. Он позволил яду Василиска свободно капать на собственную мёртвую плоть, медленно растворяя её.

"Тебе удалось что-нибудь получить?" – спросил Салазар, с интересом посмотрев на Гарри. "Ты всё ещё жив, так что, вероятней всего, ты не напоролся на клык."

Гарри протянул руки, показав четыре флакона густого, вязкого, чистого яда.

"Ты размахиваешь кучей лёгких галеонов." – сказал ему основатель. "Оставляй яд здесь. Тут его точно никто не найдет."

"Я не собирался оставлять его валяться в спальне, чтобы какой-нибудь идиот его по ошибке выпил." – недоверчиво ответил Гарри

'Невилл, наверное, додумался бы это сделать...'

Гарри вздрогнул. Это был бы далеко не самый приятный способ умереть.

"Это было бы очень опрометчиво с твоей стороны." – согласился Салазар. "Ужасная смерть — заставляет некоторые из наиболее сомнительных с моральной точки зрения проклятий,

которые я видел, выглядеть вполне радужными. Ты как бы растаиваешь изнутри, могу себе это представить."

С этой веселой картиной в голове Гарри оставил Салазара наедине с его кровавыми мыслями и направился обратно к своей кровати и всё более отдаляющейся группе людей, с которыми он делил спальню.

Общая комната Гриффиндорской башни приветствовала его обычной гнетущей тишиной. Рон, Симус и несколько других ребят, которые решили, что тень Мальчика-Который-Выжил слишком велика для них, сидели у камина. Он лишь мельком взглянул на них и направился к лестнице.

"Гарри" – в абсолютной тишине эхом прозвучал голос Рона, застав его на нижней ступеньке. Остальные тоже подошли и встали у подножия лестницы.

Гарри повернулся к ним лицом, настороженно ожидая очередной словесной перепалки. Лицо Рона немного исказилось, как будто у него были какие-то проблемы с дыханием.

"Что?" – он старался говорить как можно нейтральнее, но слово всё равно прозвучало холодно. Удивительно, но Уизли лишь слегка поморщился.

"Послушай." – начал он, оглядываясь вокруг, чтобы набраться смелости от остальных. "Я не умею хорошо говорить, так что буду откровенен. Я понимаю, что последнее время было нелегким для тебя, и теперь я даже не совсем уверен, что это именно ты подбросил своё имя в Кубок Огня. Да, я всё ещё зол на тебя, мы все немного злы, на самом деле..." – он указал на всех парней, кроме Невилла – "...но мы понимаем, что на самом деле это не твоя вина. Ты всегда оказываешься втянут в какую-нибудь историю, из которой ты впоследствии выходишь как герой. Знаю, ты ненавидишь это, но... нам порой просто трудно оставаться незамеченными, когда мы стоим рядом с тобой."

"Он пытается сказать, что сожалеет." – перебила его Гермиона. "Он проделал изрядную работу для этого. Ему всё ещё нужно время, чтобы прийти в себя, но он говорит серьёзно, как и все мы."

"Так что – это ваши извинения?"

Гарри ждал этого момента, однако даже не смел предположить о том, что он наступит так скоро. Его друзья решили вернуться к нему, и, казалось бы, всё хорошо. Сердце должно было учащено биться от радости, принимая этот факт... но этого не произошло. На душе оставалось всё так же тяжело, а чувство безразличия всё не отступало.

'Мне всё равно...', – понял он. От их извинений не возникло ни прилива радости, ни облегчения.

'Слишком поздно...'

"Я больше не уверен, что меня это волнует." – Гарри пожал плечами. Их слова, казалось, ничего не значили. Они снова сделали его никем, а он не мог этого простить. У Гарри, кроме него самого и некоторых друзей, не было никого, но они бросили его в самый тяжёлый момент. Он не мог снова довериться им, не будучи уверенным, что они не сделают то же самое снова.

"Как ты можешь говорить такое?" – воскликнула Гермиона.

"Сейчас, когда желая ответить вам, я открыл рот, вспомнил, что чувствовал, когда весь мой факультет повернулся ко мне спиной, и заговорил." – спокойно объяснил Гарри.

" Единственные разговоры, которые у меня были недавно с кем-либо из вас, это попытки выпытать у вас объяснения о том, почему вы меня избегаете."

"Мы совершили ошибку." – согласился Рон. "Ты должен понять то, как это выглядит со стороны и какое давление Анджелина оказывает на всех, держа обиду на тебя. Пожалуйста, прости нас, и мы будем снова дружить, как прежде, только намного сильнее!"

Это была восхитительная попытка, и Гарри не мог не восхититься тем, насколько далеко зашёл Уизли, проглотив свою гордость и сказав это. Гарри, который забыл, каково это – быть никем, безусловно поддался бы давлению и согласился на их предложение восстановления дружбы, однако сейчас всё по-другому. Сейчас он не чувствовал себя обязанным.

'Этого слишком мало...'

"Вы просите у меня прощения? Я не прощу! Я никогда не забуду вашего предательства!"

Рон оскалился – его терпение подошло к пределу.

"Ну и пошёл ты!" – заорал он – "Ты эгоистичный, напыщенный мерзавец! Иди и наслаждайся своей славой! Надеюсь, это стоило смерти твоих родителей и потери твоих единственных друзей!"

Палочка из рукава Гарри вылетела и упёрлась ему в лицо прежде, чем кто-либо успел пошевелиться.

"Что ты сказал?" – прошипел мальчик. Слова на Парселтанге вылетели сами по себе. Змеиный язык давался ему легче, чем английский, когда он был в ярости.

Рон побагровел от накопленной ярости и вслепую ударил кулаком. Застигнув врасплох, он попал ударом Гарри по голове, и тот упал на ступеньки.

Рыжеголовый оказался на нём прежде, чем он успел откатиться, и напал со шквалом кулаков. Но Гарри привык к такому обращению ещё тогда, когда его кузен бил его, да и ритуал явно принёс свои плоды.

Он оттолкнул Рона и ударил левым хуком в живот своего бывшего лучшего друга, выбив из него воздух.

Кто-то схватил его сзади за мантию и левую руку, но Гарри, быстро сориентировавшись, вырвался из захвата и бросился к своей палочке, которая лежала там, где он её выронил от неожиданности.

Вспыхнула вспышка света, и палочка вылетела из его рук, пролетев через всю комнату, едва не пронзив голову Симуса, который успел своевременно пригнуться.

Она ударилась о стену рядом с камином с громким, отчётливым хрустом и упала, разбившись вдребезги, на пол.

"Ах, мне очень жаль, Гарри." – в ужасе выдохнула Гермиона. "Я не хотела. Недавно я практиковала заклинание изгнания, и это было первое, что пришло мне в голову. Я запаниковала и хотела остановить драку."

Поток её бормотаний не прекращался, но он почти её не слышал. Его вены очень медленно наполнялись льдом. Он был ужасно, невероятно зол!

Тот, кто держал его, отпустил, и в комнате внезапно стало очень тихо. Гарри пересек комнату, чтобы осторожно собрать все осколки своей драгоценной и уже некогда целой волшебной палочки.

"Я не хотела этого, Гарри..." – прошептала Гермиона.

Он уставился на неё самым холодным взглядом, на какой только был способен, вложив в глаза всю свою ярость, какую только мог собрать.

Она вздрогнула, словно от удара.

"Я никогда не прощу." – повторил Гарри холодным, как лёд, голосом. "И я не забуду."